

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ИРОНИИ

(Рец. на кн.: *Irony in Language and Thought : A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs, Jr. – New York : Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – 619 p.*)

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 декабря 2009 г.

Изучение иронии имеет давнюю традицию в философии, риторике, литературоведении, лингвистике. Интерес к иронии вполне объясним, поскольку ирония многолика: она может создаваться средствами различных знаковых систем, в дискурсе ирония полифункциональна. В разные эпохи ирония имела различный категориальный статус: от тропа в античности до образа мышления и отношения к действительности в эпоху постмодернизма.

Во второй половине XX в. в центре внимания исследователей оказывается одна из семиотических разновидностей иронии – ирония вербальная. Изучение иронии, выраженной средствами естественного языка, ведется с точки зрения функций, которые выполняет ирония в общении, а также с точки зрения тех когнитивных операций, которые необходимы для создания и понимания иронии. Функционально-когнитивный подход к языку – это результат развития многих новых направлений гуманитарного знания в конце XX в. Благодаря когнитивной лингвистике многие языковые явления (например метафора и метонимия) получили новый статус. Ирония в этом смысле далеко не так популярна, хотя в последние два десятилетия многие лингвисты уделяли внимание вопросам, связанным с созданием и интерпретацией иронии в дискурсе.

В книгу *«Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader»* вошли 24 статьи, посвященные вербальной иронии. Несмотря на то, что данные статьи уже были в разное время опубликованы в различных журналах, редакторы сочли необходимым объединить их в сборник, который, по их замыслу, является попыткой представить весь спектр современных исследовательских точек зрения и подходов к вербальной иронии. Критерием отбора статей стала их широкая цитируемость в западной лингвистике, психологии и когнитивной науке.

Авторы статей принадлежат к различным научным школам и направлениям, однако их объединяет отказ от классического понимания иронии как риторического тропа. В новой трактовке ирония – это

одновременно и инструмент мышления, и языковое явление, основная функция которого – выражение отношения к несоответствию между ожидаемым и наблюдаемым положением дел.

Статьи, включенные в сборник, сгруппированы в 7 разделов, каждый из которых посвящен определенному аспекту существования вербальной иронии, благодаря чему читатель получает возможность сопоставить различные теоретические и эмпирические способы анализа иронии в дискурсе.

Объем рецензии не позволяет подробно анализировать каждую из 24 статей, поэтому коротко охарактеризуем содержание разделов, а затем остановимся на некоторых, наиболее важных статьях.

Книга открывается кратким обзором существующих теорий вербальной иронии. Наряду с другими сложными с точки зрения семантики языковыми явлениями ирония представляет интерес для тех, кто исследует механизмы порождения и понимания переносных значений.

Наиболее популярные в современной западной лингвистике теории представлены пятью статьями второго раздела: Г. Кларк и Р. Герриг анализируют вербальную иронию как притворство (*The Pretence Theory of Irony*), Д. Уилсон и Д. Шпербер предлагают рассматривать иронию как эхо – отголосок того, что уже было кем-то сказано или написано (*The Echoic Theory of Irony*), С. Кумон-Накамура, С. Глюксберг и М. Браун сквозь призму теории речевых актов видят в иронии аллюзию, а С. Аттардо предлагает считать иронию значимой неуместностью (*Irony as Relevant Inappropriateness*). В этой группе преимущественно теоретических статей особняком стоит работа Г. Колстона, поскольку в ней представлена попытка экспериментальным путем проверить теоретические предположения о важности ряда прагматических условий для возникновения и функционирования иронии в дискурсе. Благодаря тому, что статьи размещены в хронологическом порядке их публикации в журналах, читатель получает возможность проследить, как развивалась теоретическая составляющая исследований иронии за последние два десятилетия.

Третий раздел посвящен проблеме, с которой неизбежно сталкиваются все исследователи вербальной иронии: как контекст влияет на понимание иронической интенции. Разработанные в рамках прагматики теоретические модели понимания переносного значения проверяются экспериментально, чтобы ответить на вопрос, как работает память при обработке иронических высказываний. Еще одна важная проблема – последовательность обработки значений иронического высказывания: обязательно ли адресат сначала обрабатывает буквальное значение сказанного, а затем переходит к переносному, опираясь при этом на контекст?

В четвертом разделе представлены статьи, в которых анализируются функции иронии в различных ситуациях общения. Почему несмотря на потенциальный риск быть непонятым коммуниканты все же используют иронию в дискурсе? Ответом на этот вопрос является широкий спектр функций, которые способна выполнять ирония. Анализ прагматических свойств вербальной иронии неизбежно приводит исследователей к проблеме ее семантических особенностей: контраст прямого и переносного значения иронического высказывания является основой для определения, какие именно функции выполняет ирония в конкретной ситуации.

Социально-прагматические функции иронии могут определяться и по просодическим характеристикам высказывания. В статье «From “Blame to Praise” to “Praise by Blame”: Analysis of Vocal Patterns in Ironic Communication» ее авторы – Л. Анолли, Р. Чичери и Дж. Инфантино – показали, что акустические и просодические характеристики иронического высказывания могут служить сигналом цели, с которой говорящий использует иронию. Супrasegmentные характеристики критического иронического высказывания отличаются от высказывания, содержащего «кооперативную» иронию, направленную на развлечение адресата.

Пятый раздел включает в себя три работы, посвященные развитию способности понимания иронии у детей. Наблюдения и экспериментальные исследования восприятия иронии детьми – еще одно свидетельство прагматической и семантической сложности иронии как коммуникативного явления. Понимание иронии включает в себя, во-первых, умение распознать скрытую интенцию говорящего и, во-вторых, умение определять, с какой целью говорящий использует иронию. Эксперименты показывают, что дети учатся распознавать скрытый смысл раньше, чем определять цель иронии.

В шестой раздел вошли статьи, в которых основное внимание исследователи уделяют не столько вербальной, сколько ситуативной иронии.

Наконец, седьмой раздел – это размышления редакторов сборника Р. Гиббса и Г. Колстона о перспективах изучения вербальной иронии. Сложная когнитивная природа иронии и ее неоднозначные прагматические свойства ставят перед исследователями нетривиальные вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. Например, остается открытым вопрос о том, какое значение высказывания следует считать буквальным.

Более подробно нам хотелось бы остановиться на статьях второго раздела, наиболее важных в теоретическом отношении, поскольку все эмпирические (в том числе и экспериментальные) исследования иронии опираются на какую-либо из представленных теорий. Все исследователи сходятся в том, что ирония возникает в результате несоответствия ожидаемого и реального положения дел. Анализ прагматических свойств иронии осуществляется на уровне высказывания; однако следует отметить, что зачастую примеры иронических высказываний, а также контексты их употребления «сконструированы» с опорой на собственную языковую интуицию.

В центре внимания предложенных теорий оказывается вопрос, какие прагматические свойства позволяют создавать и распознавать иронию в дискурсе. Так, Г. Кларк и Р. Герриг, формулируя теорию иронии как притворства в статье «On the Pretense Theory of Irony», опираются на представления об иронии, высказанные еще древними греками, а также на ставшие классическими идеи П. Грайса. Авторы полагают, что ирония – это способ реализации определенной коммуникативной роли: обращаясь к «непосвященной» аудитории, говорящий притворяется наивным простаком. Узнавание роли адресатом – основное условие понимания иронической интенции говорящего.

Авторы популярной в лингвистической прагматике теории релевантности, Д. Уилсон и Д. Шпербер, в статье «On Verbal Irony» предлагают свой вариант теоретического осмысления иронии. В его основе лежит важное различие между первичным высказыванием и его повторным, по сути металингвистическим, упоминанием (*use and mention distinction*). Уилсон и Шпербер считают, что ирония возникает, как эхо, в результате отсылки к тому, что уже было сказано ранее, в новом контексте. При этом говорящий дистанцируется от упоминаемого высказывания, подчеркивает свое негативное отношение к нему.

Процесс узнавания иронии, по мнению Уилсон и Шпербера, основан на выдвинутом ими ранее принципе релевантности. Интерпретация высказывания в этой теории находится в максимальной зависимости от контекста: ирония позволяет говорящему достигать максимального эффекта только в том случае, если адресат опирается на контекст и предыдущий коммуникативный опыт.

Еще одна прагматическая концепция вербальной иронии – теория иронии как аллюзии, предложенная в статье «How About Another Piece of Pie: The Allusional Pretence Theory of Discourse Irony» С. Кумон-Накамурой, С. Глюксбергом и М. Браун. В ее основе лежит идея о том, что ирония – это отсылка к ожидаемому, но не реализованному положению дел. С прагматической точки зрения, ироническое высказывание нарушает максимум искренности, и именно это нарушение заставляет адресата интерпретировать высказывание как содержащее иронию.

Теория иронии как значимой неуместности представлена С. Аттардо в статье «Irony as Relevant Inappropriateness». Центральным понятием теории становится логическое понятие уместности: высказывание считается уместным, если все его пресуппозиции совместимы с пресуппозициями того контекста, в котором употребляется высказывание. Основное отличие уместности от релевантности заключается в том, что критерием уместности является истинность высказывания, в то время как релевантность высказывания не определяется его истинностью. Ирония возникает, если высказывание или его элемент контекстуально неуместны. Такие элементы неизбежно обращают на себя внимание и, следовательно, несут большее количество информации по сравнению с уместными элементами. Таким образом, в основе интерпретации иронии лежит несовпадение пресуппозиций высказывания и контекста.

Примером того, как определенная теория используется в эмпирических исследованиях вербальной иронии, является статья К. Курко «Irony: Negation, Echo, and Metarepresentation». Автор сопоставляет объяснительные возможности двух теорий: теории иронии как эха (Д. Шпербера и Д. Уилсон) и теории иронии как скрытого отрицания (Р. Джи-

оры). В качестве «тестового» критерия для сравнения используется вопрос, какие когнитивные способности необходимы для понимания вербальной иронии. К. Курко делает вывод о том, что теория Шпербера и Уилсон обладает большей объяснительной силой, поскольку лучше описывает когнитивные операции, необходимые для понимания иронии в дискурсе.

Примером еще одного экспериментального исследования иронии является статья Р. Джиоры и О. Фейн «Irony: Context and Salience». Авторы показывают, что именно актуальность значения (salience of meaning) является основным критерием для интерпретации высказывания как иронического; вопрос – является ли актуальное значение буквальным или переносным, оказывается второстепенным.

Подводя итог, следует отметить, что сборник «Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader» может служить отправным пунктом для тех, кто интересуется иронией. Удачна сама идея представить самые разные точки зрения на природу вербальной иронии. Когнитивный подход открывает дальнейшие исследовательские перспективы в изучении этого явления: в заключительной статье редакторы сборника предлагают выйти за пределы высказывания и анализировать иронию как на уровне текста, так и в связи с особенностями коммуникативных личностей, склонных к частому использованию иронии. У когнитивного подхода есть еще одно преимущество: возможность сочетать анализ вербальной иронии с изучением иронии, создаваемой средствами других семиотических систем. Предложенные перспективы требуют расширения теоретической базы исследований и делают иронию значимым объектом исследования в современной когнитивной науке и лингвистике.

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: shilikhina@gmail.com

Voronezh State University

Shilikhina K. M., Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: shilikhina@gmail.com